

ЧЕЛОВЕК, НЕ ВСТРЕТИВШИЙ ЧЕЛОВЕКА

Рассказ

Водила Звонарев из транспортного отдела после утренней планерки огорошил: есть проход к цирку с южной стороны ипподрома.

— Нет там ничего, — уверенно, тоном, не допускающим возражений, процедил Звениговский, — я здесь сто лет работаю, и всегда ходили только в обход.

— А вдруг есть, — это Золотов, наш разнораб в вылинявшей спецовке. — Ты свой технический отдел сразу усовершенствуешь. Будешь вентили, мышки, флешки по короткой дороге с остановки носить.

— Я машину возьму, нужен мне ваш проход, — отмахнулся начальник технического отдела. Его уже напрягали: пропадает Интернет, а шеф обещал появиться.

— Так, значит, он есть? — Золотов по штату вроде как должен был подчиняться Звениговскому, даже числился в его отделе, но нельзя было заставить нашего разнораба кому-то подчиняться. До нас Золотов работал на севере, приезжал в столицу спустить все деньги. Друзья на всю жизнь находились сразу, но столько жизни, видимо, Золотову не было отпущено. Рыжие когда-то волосы выцвели, все чаще иставали белыми холодными нитями. Кашель, мокрота, легкие ни к черту. С каждым годом север откашливался дольше, а желающих покутить на зарплату становилось больше. «Понизили до разнораба, — не жалился, а вроде даже веселился он, — а я ведь и бурить могу. А выгонят меня отсюда — пойду в дворники, с дворников погонят — в уборщики. А оттуда уже, брат, не гонят, оттуда вперед ногами выносят».

Может, сегодня был и мой последний день, но завтрашняя газета уже печаталась, можно и глянуть. Спустился вниз, чтоб урвать самый-самый первый экземпляр, теплый, колючий, испачкаться нечеткими, расплывающимися буквами.

С прискорбием сообщаем...

— Как березовый сок глушили, — курилка объединяла все отделы, вот Звонарев, бессонный, накачанный кофием, прыгает на жирном, будто бы маслом испачканном, пне, — ща уже ниче не текет, прошел сезон.

— Так это вы березу загубили? — Григорий Иваныч Зюзин, наш бухгалтер, покхекивал, заслоня ладонью от солнца бесцветные, чуть навывкате глаза. — Погодите, скажу Салтанову.

Игорь Сергеевич Федоровский родился в Омске в 1988 году. Окончил филологический факультет ОмГУ, был членом редколлегии журнала «Пилигрим» с 2007 года. Публиковался в многочисленных изданиях Омска, Москвы, Красноярска, Новосибирска, Уфы, Барнаула, Арсеньева, Рыбинска, Вологды, в их числе «Новый мир», «Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Алтай», «Бельские просторы», «Вологодский лад», «Литературный Ульяновск», «Складчина», «Журнал Поэтов», «Новые имена». Автор стихотворных и прозаических книг, вышедших в Омске: «Восьмая нота» (2007), памятный подарок премии Достоевского (2007), «Научите меня плакать» (2009), главная премия Достоевского, «Оттачивать снег» (2010), «3D» (2013), «Ключи от пропасти» (1-е издание 2014, 2-е издание 2015), «Конечный» (2015). Работает журналистом.

— Ну скажи, — подмигнул мне Звонарев, — вдруг царь нам больше уделять станет драгоценного внимания, а то я ему желтую подводную лодку в порядок привел, за свои причем кровные, а он и не чешется.

Желтая подводная лодка — это одна из машин нашего автохозяйства. Прошлой осенью она тонула, по глупости Салтан двинул в Кабыздовку по грунтовке. Государевым словом нас заверил, что дождей в тех краях никто неделю не видел. Ушел, конечно, по самую крышу, хорошо, хоть сам выбрался. Думали тогда — пропала песня, нет, Звонарев подхватил, выходил, не спал ночами, грохнулся с недосыпу с крыльца и сам хромает, зато машина в порядке.

— Садредтинов-то опять подставился. И это за год до выборов! — жахнул наборщик Серега Загатов. Ему бы в наш отдел — новости узнает раньше всех, а распорядиться ими не умеет.

— А что не так? — Зюзин напрягся, видно, история эта была ему знакома.

— Находились на простое рабочие, послал их строить себе дачу, — потирал сбитые от клавиатуры пальцы Загатов, — вот что делает, гад ползучий!

— Это правонарушение! — загорелся журналюга Завтраков, желтый хохолок на его макушке трепетал.

— Да это же уголовник! У-у-у, бандюган! — Фиратова, уборщица, часто сидела с нами, щелкала семечки, бренчала ведром, объявляя всем ядерную войну.

— Ну уголовник не уголовник, а административка у каждого есть, — со знанием дела проговорил Завтраков, — важно это так расписать, чтоб монстр, пожирающий детей, вышел.

— Все так, но тут на тоненького, — погрозил пальчиком Зюзин, — Садредтинов-то Салтанову кум. И такой материал зарубит уже в твоей голове.

Все притихли, на последние секунды сигарет тем обычно не хватало, да и о шефе не хотелось говорить — стены, может, и не имеют уши, зато у людей мало того, что они есть, так еще развязанные языки, если надо, не до Киева, но до кабинета Салтанова доведут.

— Историк партии — фуфло! Лучше бы к нам в газету кого взяли на лишнюю ставку! У него Хаммурапи правил у ацтеков, — возмущался Завтраков, он один не желал угомониться.

— Хамурапию этого надо в зону боевых действий, — вздыхая, поднялась Фиратова, и непонятно, про нашего ли она Зильберштейна, про древнего политика или про свой дальний корпус, где иногда разгорались такие громыхания и крики, что поневоле хотелось сунуть уборщице сотенную и заключить с ней мир. Она же тебе и за бутылочкой сбегает, и победу вместе с тобой отметит.

— Передайте вашей помощнице, — помялся я и протянул бухгалтеру конверт, — положите под клавишу.

— Я устал быть передастом, — высокомерно произнес Зюзин, демонстративно заложив руки за спину.

Я поймал свежий номер газеты в предбаннике типографии, смачно отmaterил там же бухгалтера, чтоб ему икалось на рабочем месте. На неделе к нам из колледжа прислали практикантку. По всем бумажкам Рита Атавина. Я ее видел пару раз мельком. Но в тот же день написал ей письмо. Мол, как увидел, так сразу сошел с ума, что если ей одиноко и не с кем пообщаться, пусть пишет ответ. Ничего от нее не получил, но на следующий день написал новое.

С тем же конвертом сунулся к Забойскому, он-то передаст точно, в соседней с бухгалтерией камерке мы гримируем наших гостей, чтоб в кадре смотрелись органично, операторы туда ходят пристреливаться. Встретил меня плечистый здоровяк в майке

с надписью «Гриша», чтоб уж не забыли. Да как его забудешь — операторская на первом этаже, не захочешь, а поневоле пройдешь.

В двенадцать Григорий Иваныч подхватывал свое набитое деньгами пузо и убегал в банк. Наверное, Рита уже в бухгалтерии. Можно бы пойти посмотреть в щелку, да надо показаться на рабочем месте, а то златокудрый Ленусик опять будет ябедать Салтану, она это умеет.

— Сегодня ты ленточный червь, — предупредила Лена, только я вошел в нашу комнатку пресс-службы, — у нас уже час, как на сайте нет новостей.

— Я ж вчера сидел, — попытался отмазаться, пнул послушную коробку компа, он отозвался недовольным бурчанием.

— У меня срочная статья, — отмахнулась, прихлопнула мои начавшиеся возражения. Черт, ногти длинные, чувствую себя подопытным мотыльком, распятым на неизбежных новостях.

Эту срочную статью Ленуська писала уже неделю. Мне уже давно хотелось запереться изнутри, встретить испуганный, потом протестующий, а потом и покорный взгляд, подойти, молча обнять ее и повалить на стол, она маленькая, монитор и клавишу не раздавит. Сегодня шумит газета, можно и покрикивать. На том же столе, двигаясь сумасшедшим курсором. Она бы не была против. Но я знал, что никогда ей даже не намекну. Не коснусь, будто бы случайно, ее обнаженной спины, не проведу ладонью по крашеным золотым кудрям. Потому что знаю, истощив все силы, надо снова быть ленточным червем, насиловать чужую новость, превращая ее в собственную.

— Поставлю чайник кипешиться, — наверное, можно было предложить после работы угостить ее сушами, но я их терпеть не мог.

— Шкаф забит твоими вещами. Мне дубленку повесить негде, — пожаловался Ленусик, шелестя соцсетями.

— Зима еще не скоро, — отмахнулся я, следовало промолчать, тогда бы эта доморощенная блогерша утихла, теперь же ей нужно было добить меня болтовней, иначе она не успокоится.

— Военный комиссар интересовался твоей персоной, — с ехидцей кинула в меня жеваную промокашку слов.

— А это из Ленинского округа, — отозвался я, — с ним материал давно делал, так он постоянно заходит теперь. Бас его гремит по всем корпусам: «Здравия желаю!» Я теперь никогда не помру.

— Думала, у тебя военника нету, мало ли что, особенно сейчас, — норма заботы обо мне была выполнена, Ленусик уткнулась в монитор.

— У нее какая-то сопля в ухе, тебе не кажется? — гаркнул над моим ухом Гришка, как раз когда я возился с чайником.

— Эта сопля зовется блютус, — Забойский редко забегал к нам, значит, что-то случилось. И опять на задание ехать мне, ведь Ленусик ногтями вцепится в клавишу, не сорвешь, не докричишься до нее, знаем уже, не первый год вместе работаем.

— Ты жрать собрался? — оценил виноватое сипение чайника Гришка. — Пошли вниз. У меня есть гамбургер из «Макдональдса».

— Он же давно закрылся, — пожал плечами, придерживая чайник, чтоб он не выпрыгнул в агонии мне под ноги.

— У меня кореш нахватал штук пятьсот их, по всем морозилкам рассовал, говорит, бизнес делать буду! А меня так угощает, за рекламу!

В монтерской каптерке яблоку негде было упасть. Загирбеков — руководитель отдела информации телеканала — угощал всех коричневыми, дохлыми какими-то плодами, уверяя, что это сейчас такие выросли в его теплице.

— Вы погодите, — как обычно запинаясь о каждый слог, предупреждал он неизбежный смех тонким указательным пальцем, — дождетесь еще не только яблоки, и малину будете в аппреле жрать.

— Нет уж, друг, мы больше по грибочкам, — отгеснил пару коллег от микроволновки Гришка, — эх, Валихан, голос бы тебе, мог бы новости начитывать. А то этой новенькой Грымзы сроду не дожدهшься.

Олюшку Грымзову я и сам не видел ни разу. Говорили, она носится по трудовым коллективам, выражающим полное, единодушное доверие. Стопки бумаг с подписями доверчивых копились во всех комнатках, ох, куда ж их деть-то, и под эмкавэшкой, и на моем столе, и в предбаннике свалены вперемешку.

— Своих не бросаем — ввон оно ккак, — палец Загирбекова, показалось, даже изогнулся, — а ведь ббросила нас Олюшка, ээх! Я ввот на вечер и не знаю, что в эфир ставить.

Один раз выпуск газеты чуть было не сорвался. Встречали китайский Новый год, еще толком не оклемавшись с нашего отечественного. Отмечали с настоящим братом-китайцем то ли Мао Лао, то ли Лао Мао, но его с легкого Гришкиного языка все звали Мяу-Мяу. Как раз газету сдавать, а у нас ничего не готово, на белой простыни макета мы резали рыбку да строгаи колбаску, пустые заголовки потонули в жирке. Редакционный кот Чапай все вертелся под ногами — это же Мяу-Вася выражает почет и уважение нашему китайскому товарищу. Из типографии звонят, матерятся, спешно сгребаям на полосу все новости и закуски, потом топчем, топчем, утаптываем, подъедаем. Хоть с опозданием, но сдали номер, спасибо отделу информации за то, что новостей было много.

— Обзор обзором, но всем жрать хочется, а у журналюг опять никакой рыбы нет! — возмущался монтажер Задрыгин. А-а-а, заветная бутылочка с ним, обед строго после завтрака, вопросов больше не имею.

Микроволновка была еще одна, в первом корпусе, но туда тащиться было неохота. Поговаривали, что у Салтанова есть персональная эмкавэшка, но в его кабинет дальше предбанника никто не заходил.

— Как вы думаете, есть проход? — подхватил утренний слух монтажер Прохоров, шелестя пакетом из «Пятерочки». — У цирка-то пивас неплохой продают. Я отсыплю себе кофейка на утро, а то ведь не проснусь однажды, ха-ха.

— Прятать от него начали еду, он все поджирает, а сам не шибко-то вкидывается. Мы уже ему тактично так говорили: вам, Пал Афанасич, вредно много есть. Так он что? Я, говорит, ем ведь, а не употребляю. Это ж он в мою сторону пуляет! — шептал мне Задрыгин, кивая на коллегу, — А я что, употребляю? Нет, ты мне скажи.

Вечные конкуренты, которым всю жизнь возиться в тесной каптерке, собирая из дрыгающихся шелестящих кадров что-то путное, они постоянно интриговали друг против друга, но знали, что в одиночку не вывезут операторский шлак. Каждый считал себя главным в монтажном цеху, но на утреннюю летучку, где собирались начальники всех отделов, никто не ходил.

— Твой гамбургер сух и нелоялен, — мы с Гришкой устроили санкционное пиршество, — что ж колы у приятеля не попросил?

— Тоже мне гамбургер, чизбургер, санвич, черт знает что! — продолжал возмущаться Задрыга. — Есть простое русское слово бутерброд.

— Сто процентов сока! Воды нет! — утянул меня за свой стол Прохоров и ткнул в пустой тетрапак. — А на деле — чуть подкрашенная водичка. Вот вам тема, берите, пользуйтесь! Могу еще подкинуть с десяток.

— Это не к нам, это в газету, — отмахнулся я, сглатывая сухую слюну, — умеет же раздражить, скотина! — Могу свести с человеком, который пишет про похожие проблемы. Так развенчает, что тебе в следующий раз двести процентов нальют и не подавятся. Даже наш Задрыга обзавидуетсся да и на сок перейдет.

— Я забыл, как писать маленькую «м», — жаловался Задрыгин, надеясь перетянуть на себя внимание, — компьютеры — это дичь, разучился писать русскими буквами, сто раз брал и зачеркивал. Вот как их... маленькую «м», маленькую «з», заявление на отпуск по собственному пишу.

— А вы напечатайте в ворде, — голос вроде чужой. А-а-а, заведующий русской литературой Ринат Загитов. Что он забыл у нас? Его библиотека в том корпусе. Может, там эмкавэшка сломалась? Тогда... и Рита может прийти сюда. Просто вот войти, виновато улыбаясь всем, пряча за спиной контейнер с шамовкой.

— А здесь как-то обстоятельно. Я была на стажировке во «Всеи соли», так там каждый в своем уголке обедает. Персональный хрум. Мне сказали, там текучка такая, что даже познакомиться друг с дружкой не успевают.

— Я не помню, чтоб отсюда кто уходил, — пожал плечами я и погрешил против истины. Василь Иванович Стрюков, наш ответственный секретарь, заставший еще лино-типы, дагеротипы и прочие неуставленные подозрительные типы, отправился в путь как раз отсюда. Дорога, огибающая нашу работу, шла в сторону Восточного кладбища, и к нам его завезли попрощаться. Места в полутемном коридорчике мало, но наш прожиточный минимум посетителей это не смущало, они входили, бросали равнодушные взгляды на гроб и отправлялись по своим делам.

— Опять короткий день, — а вот этот голос ни с чьим другим не спутаю. Оператор Заппа, уважает его и уважуха. Обычно он приходил из коррекционной школы после обеда, но тут учителя, видно, опять затеяли профилактику.

— А где ж Зося? — накинулись на него мы.

— Там у нас военная операция, — отмахнулся он, горькая улыбка скользнула в усах, — раскормили вы кота, не выполняет свои обязанности. Забрить, отправить в штрафные роты пузана.

На ступеньках в подвал действительно царила возня. Похоже, что те, кому места в каптерке не хватило, решили устроить свой движ.

— Мыша-мыша, лови ее! Накрывай ведром! — командовала Фиратова, стараясь на-ходиться подальше от непосредственно боевых действий.

— Ну что, попалась, — взмахнул граблями Золотов, и тут он столкнулся со взглядом колючим, злым, рука его замерла.

— Ну че стоишь? Грабь ее! — орал Зильберштейн, новый историк партии. — Че ты как Родина-мать с граблями!

Что ж так краской-то несет? Вроде уж должны и кончить печатать, а вдохнуть нечем. С прискорбием сообщаем... что так пахнет смерть. Зоськин взгляд простреливал и меня, хотя я пришел не убивать, а просто посмотреть. Может, увести в сторону Риту, если ей глядеть на такое будет неприятно, рассказать ей, что до их третьего этажа мыши точно не доползают.

— Нехай живет! — дал всем команду слесарь Кириллов, а потом оправдывался: — Так вона посмотрела, что не смог. Хоть она мыша, но по-людски так зекает, аж будто баба моя, когда меня бухенького надо на верхний этаж втаскивать.

Что это за глаза. Одна красноватая пленка. И цвет какой — не разберешь. Вроде он здесь и смотрит на нас, а вроде и нет его, были зрачки — солнышки, но весенняя голубизна осталась под артобстрелом.

Я и сейчас не вспомню, какого цвета у него глаза. Зосю эвакуировали из-под Мариуполя в марте, когда там началась самая заварушка. Коррекционная школа через дорогу, и малец прибил к нам, дядька не возражал, ему было все равно. Хоть со всем забирайте, а Заппа виновато совал в потную ладонь уставшего, сильно пьющего кладовщика пару сотенных.

Все пошумели и разошлись по своим клетушкам. Я тоже поставил пару новостей, ответил на несколько звонков, перебрался с Ленусиком парой фраз.

Зося сидел, уткнувшись в окно с отсутствующим взглядом. Заппа просил присмотреть, его самого срочно отправили снимать дядю-депутата, выразившего полное и безоговорочное одобрение.

— Он же никакой не историк, — бубнил Завтраков, — понятно, что по благу сюда попал. Хвастался сча мне своими трудами, плагиатор.

— Да, плагиатор. Но покорный, — пожал плечами Серьга, рассматривая журналец с голыми красотками, — Салтан таких любит.

— Прикроют нас за его покорность, — возмутился Завтраков, — ты материал на Омкоме читал? Там слово в слово, даже не потрудился абзацы поменять. Копировать-вставить — так, что ли, теперь размножаются историки?

— Я размножаюсь усами, ха-ха, — Серьга коснулся губами шейки моей напарницы, игнорирующей нас, слушающей в наушниках музыку, блютус-сопля заряжалась рядом, — щекотунчик Ленусик-загоретик.

— Отвали, debil, — отбрила его Лена, тыкая в нашу сторону ногтем, — иди вон новенькую улаживать.

— А на прошлой работе я боялась даже рот открыть, не то что кашлянуть, — рассказывала Рита, — на меня так смотрели, словно я чумовая какая.

— Чумная, наверное, — мне было неловко говорить с ней в таком гвалте. Крикнуть бы всем, чтоб шли куда подальше, так и она уйдет, виновато улыбнувшись на прощание, словно извиняясь за то, что открыла рот и впустила сюда вирус.

— Ну что, готов к большому походу? — в нашу переполненную пресс-службу ворвался Гришка, оглядел собравшихся, удовлетворенно крикнул. — Рабочий день объявляется официально завершённым.

— Куда это? — не понял я, надеясь, что они зовут не в алкотур. Хотелось показать Рите окрестности, повести ее к остановке самой длинной дорогой, случайно заблудиться среди одинаковых маленьких домиков.

— Мы тут собираемся дорогу к цирку пробить, — за Гришкой в проходе толклись Звонарев, Золотов и Загирбеков.

— Холодец с нами, он как раз сменяется, — объявил Гришка, — этот страж ворот здесь изучил каждый закоулок еще до Октябрьской революции. Вдруг у Звонаря джи-пиэска с катушек съедет.

— Я «гусиков» на всех взял, — похлопал себя по огромным карманам Михайло Холодец Заливайко, самый древний из наших вахтеров. На этом фронте самая страшная текучка — приходили-уходили, даже не успевая выучить нехитрые номера внутренних телефонов. Заливайко был всегда. Холодцом его звали даже забредавшие к нам депутаты. Мягкий, рыхлый, казалось, он выдаст тебе ключ под роспись и развалится на части, конфетки, которыми он любил угощать всех, рассыплется у проходной. У Заливайко была онкология, но я не мог представить себе дня, что другой вахтер будет нас привечать по утрам, угощать «гусиными лапками», провожать до крыльца, а ты будешь знать, без сил ковыляя вдоль ипподрома, что обернешься и увидишь прощальный огонек его сигареты, подрагивающий, как первая звездочка на вечернем ветру.

— Айда вниз! — Гришка подошел к окну, пытаясь углядеть что-то доступное Зосе. — Заппа звонил, говорил, скоро подъедет.

На крыльце Зильберштейн выпытывал у Григория Иваныча, будет ли ему доплата с нашей бухгалтерии. Зюзин пожимал плечами, отмалчиваться и отмыкиваться он умел, как никто. Звенига ждал нас, выпятившись, свертая желтыми глазами, примеряя удобную позу победителя, снисходительно улыбнулся нашей выкатившейся на улицу банде. Задрыга пытался вступить за нас, но начальник технического отдела разбил его доводы в пух и прах.

— Ни хрена там нет, какой проход? — не унимался Звениговский. — Может, пора завязывать, жертвы технического спирта.

— А вот ступай в обход, а мы тут пойдем, — кивнул нам Золотов, — кто придет вторым, покупает победителю бутылку самого дорожущего вискаря. Все равно, говорят, скоро исчезнут из магазинов. Так надо напиться на будущее.

— Ты с кем пойдешь? С нами или со Звенигой?

— Почему я должна быть с кем-то? Может, я сама хочу разобраться, как тут лучше добраться до остановки.

— Но я хотел... показать тебе тут... нашу красоту. Вон там даже озерко есть. Это не такой ужасный район, как ты думаешь.

— Опять поехала, — проводил привычную уже черную машину Серьга Загатов, — бульбозовка.

— Не опять, — поднял палец Зюзин, — а снова.

Приспущенные флаги, окна заклеены темной лентой, ковыляет, словно парализованная, кажется, каждый из нас ее обгонит, но мы никуда не спешили. Дети из Зоськиной школы перебежали дорогу прямо под колесами, словно и не было в пяти метрах пешеходного перехода.

— Скоро они будут выпрыгивать прямо из-под колес, — бурчал под нос Холодец. — Для них вся жизнь — один пешеходный переход. Бесконечный.

— Опять завтра работать, Азовский район, село Кедр, что еще в десяти километрах, — выдохнул подбежавший к нам Заппа. — А завтра газетный день, машину никто не выделит. — Он бросил пустой, отсутствующий взгляд на Звонарева. — Что, дашь машину?

— Это не я решаю, — буркнул тот, — и ты это лучше меня знаешь.

— Попутку ловить придется, — посетовал я, словно это мне надо было завтра подниматься чуть свет.

— За город ехать, губера слушать, — из внутреннего кармана Забойский достал заветную фляжку. — Наша Арена ТВ всегда защищает интересы народа, даже после его смерти. Давайте по кругу. Заппа заслужил.

Мы помянули того, чье имя не осталось даже в моей памяти, потом глотнули за успех нашей операции.

— На раз-два-три, — Звениговский стоял чуть в стороне от нас и не прикасался к фляжке, — что, долго еще будете квасить? Я пошел.

— Предатель ты, Звенига, — бросил ему на прощание Гришка, — за коньяк мать родную продашь.

— А ведь он же побежит, — возбужденно заверещал Зюзин, глаза его, бесцветные, чуть навькате, сейчас готовы были совсем вывалиться из орбит, — может, лучше перебдеть, сперва разведать, какой там проход, а потом уже на две бутылки наперегонки бежать.

— Мы все равно будем первыми, — успокоил Золотов, показывая на дорогу в сторону шиномонтажки. — Вы ведь все знаете Звонарева, он зря не скажет.

— Там раза в три короче, — подтвердил Звонарев, — мы еще пива полторашку распить у цирка успеем.

Мы пошли, пылясь и толкаясь, толпа потерявшихся в этой войне. Под ногами хрустела солома — привет с ипподрома.

— Черт, солнце прям в глаза, — попытался смахнуть с неба свежую кляксу Золотов, но только лысина стала золотой, а огонь не исчез.

— Ттам... ккамьши горят, ччерный ддым ммежду огнем и ннебом, — тыкал куда-то Большой Бык Загирбеков, — вверно, ддетвора из Ззосиной шшкoлы oпять ббалуется.

— Это же дом! — закричал Ринат Загитов, зрачки его пылали, кто сравнивает их с точками-уголочками, глубоко ошибается. — Я позвоню в пожарку.

— Все у тебя кипеш, да живи спокойно! — не останавливался Золотов. — Подгорает у них! Ну горит, так и погаснет. Звенига наш в ту сторону побежал, пусть он пожарных и вызывает.

— Это просто солнце, — успокоил всех Холодец, — мы уже даже солнца боимся, видим пожары, слезы, войну. А ему что, теперь не закатываться каждый день?

— Жу, — Зося помахал ладонью вокруг себя, — Жу.

— Жу-жу-жу? А-а-а, — хлопнул себя по башке Заппа, — самолетик.

— А он пролетает над нашим хутором? — эта фраза далась на удивление легко, словно говорил ее тот довоенный Зоська.

— Конечно, пролетает, — скорее всего, там сейчас закрыты воздушные линии, но мыслям-то надо куда-то деваться, для них небо не закроешь. Вот и поднимаются вверх всякие вертопрахи, мысли даже в голове страдают от воздушной болезни.

— А ему не страшно? — вороватым цепким взглядом Зоська оглядел каждого из нашей гоп-компании. — Это нас много, а он один.

— Он высоко-о-о, — проводил взглядом Заппа ускользящее светлое пятно, — его не собьют.

— Валихан Загирбеков, ты бек или хан? — доставал каждого из нас Гришка. — Определись.

— Ббольной ббык, — завращал лысой головой наш Мичурин и, выкатив свои яблочки-глаза, нагнулся к Зоське, — мму-у-у!

— А лошадики будут? — жался к оператору Зося.

— Обязательно будут, — обещал Заппа, — они сейчас отдыхают, набегались за утро. А потом отдохнут, морковки-соломки поедят и снова поскачут.

— Давай лапку за лапку, — Заливайко протянул пацану конфетку.

— У бывшей молочной кухни поворот, — объявил Золотов, откашлявшись и сплюнув тягучую слюну.

— Фабрики-кухни, точнее, — похоже, Заливайко знал окрестности намного лучше, чем думал Гришка, — специально при заводе такую открыли в пятидесятом.

Голодные, бредущие к вечерним котелкам с шамовкой, мы болтали о еде, думали, что она может нас объединить. Но дом — это вам не работа с общаком, там у каждого свои остатки вкусов и цветов.

— Кулич царский, я купил, попробовал — ничего особенного, — жалился Зильбер, — обычный то же самое.

— Грех куличи есть до Пасхи, — укоризненно просипел Зюзин.

— А ты что, веруешь, что ли? — удивился Гришка. — Хочет — пусть жрет.

— Значит, есть проход? — вмешался Золотов, для него светлый праздник мог существовать только тогда, когда до него можно было добраться. — Тогда ясно и зачем идем, и куда.

— Проход есть, и Пасха тоже есть, — Звонарев шел, почти не разбирая дороги, словно по наитию или голос был к нему и вел нас, неверующих и заблудших, — а старуха моя уже куличи пекет, на всех нас хватит.

— Теперь куда ты их денешь? Там провоняло все! Он принес сырое мясо! В наш чуть живой холодильник! Ну не debil? — рассказывал про Прохорова Серьга. — Чтоб мы не съели, а сам он мог сказать, что приносит жрачку.

— Отнять и поделить, — рассек ладонью воздух Задрыгин, — устроим на природе коллективные котлеты.

— Белорусские сардельки, так раньше вкусно было, — делился Зюзин, и слюна текла, нежравшие, блин, герои, хоть бы Золотов сухпак, что ли, выделил, — а вчера взял и мяса не почувствовал.

— Тима Белорусских съел все мясо, — расхохотался Гриша, вспомнив свою съемку концерта, — сейчас к нам вряд ли кто придет.

— Приедут! Платить будут, в очередь выстроятся, — процедил Загирбеков, не слишком-то уважавший всех, кто брал голосом.

— А мы их еще посмотрим, пускать или нет, — затынулся, закашлялся Гришка, — блин, под копченые ребрышки прилетело. Береги легкие, Зось, а то потом будет тяжело.

— Курить вредно, — снисходительно покашливал Зюзин, и портфель его подпрыгивал, легонько касаясь рассыпанной на монеты асфальта дороги.

— *Вообще-то, он ничего, — я готов был на все, чтоб она задержалась у нас подольше, чтоб не затерялась потом в списках моих бесконечных контактов.*

— *Ты сам его терпеть не можешь, — Рита ни на кого не глядела, уставший, равнодушный взгляд пробежал вдоль ипподромовского забора, мучительно искал просвета, чтоб увидеть хоть одну задрипанную лошаденку.*

— *Тебе в ФСБ надо работать, — попробовал пошутить я, — ничего от тебя невозможно скрыть.*

— *От меня там мало будет пользы, — она хоть улыбнулась, или это мне показалось под смурным, запечемся на ране заката солнцем. — Вот твои друзья. Есть Загатов, а есть Загитов. Я уже запуталась.*

— *Ну это просто, — я готов был рассказать истории жизни каждого, но понял, что это не самый короткий путь.*

— *Ты сам-то знаешь, где мы идем? Я вообще без понятия.*

Я не слишком-то мог ей помочь. Вроде слева бывшая станция Карлушка. Там железная дорога шла к телевизионному заводу. Загитов запнулся о шпалу, Гришка что-то шутканул, кажется, про Анну Каренину и поддержал его. Наши тени перетекали друг в друга, будто шагал один человек.

Бетонных плит уже не было видно. Звонарев остановился, и я вспомнил, что впереди мемориал работников автобусного завода. Вечный огонь не горел. Вроде бы мы ходили возлагать сюда цветы недавно, а может, это было двенадцать лет назад, когда я еще студентом пришел работать журналистом в партийную газету и считал, что очерки — это от слова «очернять».

— Звезда превращена в общественный туалет. И с таким поколением мы хотим победить, — возмущался Завтраков, осмотрев памятник, — они написали тут свои имена. Работники завода, погибшие на войне, блин.

— Что это? — вдруг подпрыгнул Задрыгин. — Сердце кольнуло, будто схватил Кондратий.

— Во наострился! Это у него профессиональное, — приобнял приятеля Гришка. — Где-то на заводе хлопнула бутылка шампанского, Пасху решили начать отмечать, а Задрыга уже в теме. Не переживай, дружбан, мы тебя им не отдадим.

— Будто стрельнул кто? — напрягся Зильбер, и теперь уже все услышали несколько сухих отчетливых хлопков.

— Пацаны балуются, — отмахнулся Гришка, — я тож любил из трубки постреливать. Гайками, болтами. Мы возле железки жили, там того добра хватало.

— Я в пупырочках, как огурчик, — признался Задрыгин, — думал, мне за мои грехи прилетело. Попал как кур в ошип.

— Кур — это муж курицы, — рассказывал Зосе Серьга, — попал как кур в ошип — что значит? Да жена вцепилась в мужа, когда он получку пропил.

— А это что? Тоже стреляют? — прислушался Золотов, удержав в себе бухающий кашель. — Вроде звук другой.

Да, теперь нас связывало что-то хриплое, гортанное, крик будто рвался из груди. Мы озирались, словно за нами могли погнаться мертвые бойцы автобусного завода и высказать претензии поколению, просравшему страну, которую они отвоевали. Но мне было только три года, когда ужасающий вопль поглотил государство. Больно, когда тебе три, а уже сбивают с ног.

— Торжественно заявляю, наш воцап сегодня сошел с ума, — кивнул на измочаленное ураганом дерево Завтраков. В уродливом тополе пряталась ворона, она показывала из обломков сучьев настороженный черный глаз.

— Старая гаргуля, — улыбнулся Загитов, растрепал Зосины кое-как приглаженные вихры, — охраняет вход в кладовые с драгоценностями. Там за тополяками будет пещера. Ее индейцы давным-давно выкопали. Попробуем найти?

— Что каркаешь? — чесал тополяки взглядом Зильбер. — Ща камнюгу бы.

— Да я бы сам тебя потом за нее, — сжал кулаки Завтраков, — только с воронами готов воевать?

— Вот и пришли, — тормознул Зюзин, — все тут хожено-перехожено. Дальше дорога на завод, а он давно загнулся.

— Вы шли по главной дороге, что понятно и разумно, — Звонарев сделал движение пальцами, — но неправильно. Сейчас мы пройдем наискосок, позади вон тех гаражей. Вам кажется, что между ними и стеной ипподрома козявка не проскользнет, но вы, как всегда, ошибаетесь.

— Я ничего не вижу, — если честно, я и сам ничего не мог разглядеть, куда уж Зюзину с его глазами, изъеденными цифрами.

— Прохоров бы здесь не протиснулся. А ведь просился, жиробас, застрял бы, — примерял на себя дырку Серьга.

— А если бы последним застрял, как бы мы обратно прошли? — Зильбер до сих пор не верил в нашу спецоперацию, он постоянно оборачивался, хмыкал, видимо, запоминал дорогу обратно.

— Если все одновременно захотим пройти, то точно застрянем, — рассудительно пробасил Зюзин.

— Надо пустить пацана, — надвинулся на Зосю Зильбер. — Посмотрит, может, там никакого прохода и нету, а мы поперемся.

— Мне... ийти? — он смотрел на черную дыру, а она уже точила его изнутри. Зося, ну, не бойся. Солнце стареет, слепнет, вдруг на лету да и свалится. Тогда нас накроет эта черная дыра, эта оказавшаяся пустой сокровищница.

— Ты этого в памперсах не слушай, — вмешался Забойский, хохоток его дернулся и упал под ноги, — я пойду, а если там чудище живет, то пусть само сваливает по-быстрому.

— Может, кто палку видит? — Зильбер на самом деле готов был к тому, что из дыры выпрыгнет огромное чудище, и норовил побить рекорд прыжков в высоту.

— У меня есть чего покруче, — ухмыльнулся Серега, тонкое лезвие ножовки показалось из рукава.

— А что? — заинтересовался Завтраков. Только бы ближе друг к дружке. Все равно не получится, все равно сейчас взрыв, и нас раскидает во все стороны. Потом и память пропадет, мы до следующего утра позабудем обо всех, оглохшие, с одинаковыми выражениями лица, поедем в переполненных темных маршрутках, где выбитые окна наспех схвачены пластиком, а то и фанеркой.

— Ушел вахтер бухать и дверь запер. Оно и понятно, кто к нам ночью припрется? А мы его не потревожим, лезвической крючок откинем, ключик аккуратно возьмем да и в каптерке спрячемся.

Я узнавал в наших тенях тех, кто работал здесь десять, двадцать лет назад. Мне не хотелось возвращаться к дыре, и я шагал по темным холодным корпусам. Библиотека, бухгалтерия, Салтанов кабинет... Не тонкая ли полоска света прорезалась из темноты? Это щель, которая всех нас сейчас проглотит.

— С кем-то из чудовищ нам придется вместе шагать, — вздохнул я, понимая, что бухгалтерия заперта и даже опечатана.

— А кого-то и любить, — согласилась Рита, и мне хотелось схватить ее, утащить далеко-далеко, но некуда было, не в свою же тесную комнатку в общежитии.

— Ф-у-у, — высунулся из дыры Гришка, — ававка проход охраняет. Но, Зоська, ты не бойся, иди смело, она не укусит.

Если честно, мне не шибко хотелось лезть туда первым. Потом, когда пройдут наши штурмовики. Еще потом, когда неудачники оборвут лепестки и поймут, что их любят вчерашние дети.

— Жужужучка, — подмигнул Зосе Гришка, — она вряд ли кого укусила, даже если бы захотела.

Жу-жу-жу — опять что-то пролетело, низко с хриплым карканьем, нет, не укрыться. Она уже начала подвигивать. Беспородная, одичалая псина. Как и мы все, зажата в узком коридоре, где раздавлен тонкий луч света. Никого нет. Все умерли.

— Встань, встань, побежали, — нагнулся к трупичу Зося, — тут с нами Звонарь, он знает короткий ход!

Мы стояли вокруг него в тесном проходе и не знали, что делать. Может быть, мы раздавлены и мертвы, и я больше всех мертв, но Зоська-то жив, его и привезли сюда, вырвав из лап смерти, не для того, чтоб он сейчас склонился над ней в ожидании чуда.

— Она, она... пойдет за нами, — нашелся Загирбеков, — ей жарко, она полежит немножко, потом быстро нагонит нас.

— Конечно, нагонит, — поспешил легонько подтолкнуть парня в спину Заппа, — она знаешь, какая быстрая? Если б наш Золотов такой был, мы давно б на цирке сладкую вату жрали да картинки смотрели со львами.

— Действительно, что мы не идем? — и мы не шли, понимая, что обратной дороги уже не будет.

— Ненавижу заборы с колючей проволокой, — озирался Серьга, взгляд рвался к освободившимся, в кровь расцарапавшим бока облакам, — кто ее придумал?

— Да ммы приддумали, — забор сжимал нас, не давал развернуться даже разговорам. Колючая проволока, чтобы лошади не перелетели к нам, говорят, некоторые из них умеют летать. Кашель Золотова будто прыгал на этой проволоке, то и дело наш разнораб сплевывал густую, вязкую кровь, словно оставлял опознавательные знаки тем, кто пойдет за нами.

— Ну-ка дай, — решился Гришка, выдернув книжку из цепких рук Загитова, — фи-гассе, он даже в пути читает! Смотри, о забор стукнешься, мы тебя отскребать не будем, так и оставим!

Последние слова он произнес, уже пропав из нашего взгляда, ухнув в дыру. Мы потоптались, выматерили предателя Звенигу и, конечно, хором заторопились, задвигались. Как не застряла наша биомасса в узкой щели, мне непонятно. Но впереди была такая же дорога, пыльная, неровная, покрытая сухими, потрескивающими под ногами листьями.

— Стоило в эту жопу лезть, если здесь то же самое? — ворчал Зильбер, но его никто не слушал, все спешили.

— Зулейха — единственная козырная баба в нашем спецотряде, — полистал книжку Забойский, — люблю восточных женщин, что, все при ней?

— Там не об этом, — смущенно пробормотал Загитов, — там... долго объяснять.

— Эх, не мое это, — словно извиняясь, вернул книжку Забойский, — дед еще говорил, неча читать, надо больше гулять. Может, кино снимут, тогда оценю.

— Актриса понравилась молоденькая, — что-то выискивал в смартфоне Серьга, — черт, связи тут, что ли, нет.

— Как звать? — заинтересовался Гришка.

— Не знаю, — отмахнулся Загатов, — я их не запоминаю, чтобы потом не расстраиваться. Но есть за что подержаться, точно. Грымзе, нашей общей боевой подруге, у нее стоило бы поучиться.

— Не подруга, поднога, — закатил глаза Серьга, — и вряд ли дочь, и точно не сестра. Она еще бегать за мной будет, на коньяк спорю!

На этот раз спорить никто не стал, даже Золотов. Все знали, что к тому времени, когда Загатов уломает Грымзу, запасы иностранного пойла точно иссякнут.

— Никто об нас не поплачет, — слышав очередные выстрелы, протянул Золотов, — никто вдруг не вззоет протяжно так, себя не жалея. И мы ничегошеньки не почувствуем, нам некого здесь оставлять. Разве что Зюзя портфель прижалет. С ним на небеса не возьмут!

— Я, вообще-то, женат, — отстранился от нас Зюзин, — сами разбирайтесь со своими личными проблемами.

— Ага, а сам живет с Лимановой из отдела рекламы, — подмигнул мне Гришка, — мужичок нашелся! Заливай нам о бабах!

— Разваливаюсь, — пожаловался Холодец, подхватывая вздохи, словно свои составные части, — какие уж бабы, дойти бы.

— И что тебя теперь не соберешь? — напрягся Золотов. Он не хотел, чтоб из-за нытья отдельных контуженных элементов вся наша команда сбавила ход.

— Тайский массаж помогает немного, — вздыхал Заливайко, — но больно очень, мне на первом сеансе кричать хотелось. Вот теперь думаю, идти снова или нет.

— А мастерица эта провела бы душеспатальный разговор, — предложил Серьга, — где надо бы погладила, а где и поцеловала. Больной народ — он что? Его жалеть надо.

— Тайка по-русски не понимает, — объяснил Холодец. — Только два слова — больно и хорошо. Все внутри у меня потрескивает, кажется, ее пальчики в мои позвонки вросли, а она слова бросает, а ответа не ждет, все равно ведь, думает, не поймет.

Мы снова смолкли, исчерпав все сплетни о былых возлюбленных, выгорев на закате, как бесхозный дом. После работы сил не было даже рассказывать о своих амурных похождениях, а не то чтобы их совершать.

— Эх, счастливцев у нас Задрыга! — притворно радовался Зильбер, будто забыл, что сам на работе без году неделя. — Взять бы неделю за свой счет, так баба какая-то звонит и говорит: ваш счет давным-давно заблокирован.

— Они еще и не то могут, — усмехнулся Забойский. — Звонят моей старушке. Мама, я попал в аварию! Та удивляется: что это у тебя, Гриша, голос не похож? Да это от страха, матушка. Тут полиция, ребенок пострадавший. Говорят, я виновен в аварии, нужно срочно заплатить родителям компенсацию и ментам, чтоб отмазали. К тебе кульер ща придет. Господи ты боже ж мой! Да я же дверь не открою! Замок тугой! Да уж постарайся, мам, а то мне уголовка тут светит. Хорошо, я решил в этот день навестить матушку, так у ей чуть сердечный приступ не случился!

— Может, повторим? — робко предложил Задрыгин. — За маму-то — это святое! Я знаю, Гриш, у тебя есть.

— Он тихо тут, втайне от коллектива замышляет уединение с природой, — Серьга и сам готов был вырваться хотя б на чахлый пруд, но, скованный заборами ипподрома и автобусного завода, мог лишь лениво перебирать ногами.

— Где твоя рыбалка? — протянул фляжку Забойский.

— Завтра, на озере Ик, — хлебнул коньячку Задрыга, — мне по-хорошему-то езжать надо, а я с вами товарищески путь держу.

— Ик-ик, не урони смотри, — точно скопировал Гриша, отнимая фляжку. — Нет, нельзя его одного отпускать, а то путь уронит и моральные, так скажем, нормы. Нужен куратор, так сказать, от производства, чтоб вовремя отвел руку с чаркой, вел среди него разъяснительную работу о вреде пьянства.

— Лечь хочу, — навалился на Забойского Задрыгин, пытаясь отнять фляжку, — перрекур!

— Ты тут при дамах, — кивнул на Зулейху Гришка, — из рота ж текет!

— Я это сделал недостойно, — икнул Задрыгин, с трудом, но выпрямился, — готов принести извинения мировой общественности.

— Я считаю, дамы нас поймут и простят, — снисходительно крикнул Забойский, — хлебнул горячки поц, вот и порет.

— Ты готова его простить?

— Он же ничего мне не сделал.

— Знаешь, сам себе даже этого не говорил. Я обнаруживаю в каждом какую-нибудь черту своего характера.

— Здесь во все стороны так далеко до остановок? Мне кажется, я быстрее бы пешком домой дошла.

— Иногда сил нету с работы до остановки дойти, — оправдывался Задрыга, хоть никто его и не присил. — Вот, думаю, лягу, а травка, что казалась такой мягкой, косяными пальцами хватает.

— Этот мир еще не прогрелся, — Завтракова передернуло, будто ему предложили прикорнуть на холодной земле, — ты поосторожнее пока ночуй, хотя бы до Пасхи подожди. Тебя воскрешать некому.

— Погодка-то высший класс, — Гришка, наоборот, готов был прилечь, было б с кем, — такого вечера давно не было. Идешь, а в каждом твоим шаге весна чувствуется!

— И в такую погоду надо бомбить их города, — слыша глупые пацанские выстрелы, пробубнил Зюзин, — чтоб неповадно было.

— А что же мир во всем мире? — подтрунивал Серьга.

— Я за спецоперацию. Я считаю, неонацистов надо проучить, — Григорий Иванович внушительно трясся над миром, даже дистанцию соблюдал.

— Одесса, — сделал ударение на второй слог Золотов, — что, возьмем город нашей славы, братцы? Загирбеков наш поедет, сад там разобьет.

— Нам сейчас свой город бы не уронить, — Зильберштейн не понимал, где мы находимся, но слишком уж озираться было палевно, вдруг обвинят в недоверии коллективу.

— А я вот сразу, понимаешь, сразу...

— Ипподромная, двенадцать гэ, — прочитал он едва различимую надпись, — ну, что гэ — это точно.

Мы не замечаем, как выглядим, к концу рабочего дня мы как небо в морщинах. Разучились писать, читать, и то, что буквы еще можем складывать в слова, осталось нам из детства. Зося шагал неторопливо, часто оглядывался назад, глядел, не бежит ли за ним его псина, кричал: цуцик, цуцик, будто шуршали конфетные фантики под нашими ногами, будто мы целовались с Ритой под этой необъявленной войной.

Цуци-и-ик...

Мне взять бы в кулачок этот крик, выжать его, оставить скупое собачье тепло на ладони. Я лежал, избитый, у школьной ограды, мокрые листья копошились во рту лишними языками, вспоминали то ли прошлогодние клены, то ли каштаны. Хочу сказать, но боюсь, вдруг не тем языком. Сейчас я был рано повзрослевшим пацаном, которого один раз уже убили на войне, а теперь и тут не дают жить.

— В конце недели давайте в школу пойдем, — неловко, смущаясь, собрал нас у забора Заппа, надеясь, что Зося его не слышит.

— Опять, — выдохнул Завтраков, — они там на лучшее погоняло, что ли, конкурс устроили.

— Салоед, ага, — голодный Заппа горько улыбнулся, — он этого сала ни разу в жизни не пробовал. Один там у них в классе говорил: я казак, я тебе сейчас Запорожскую Сечь устрою.

— Они в таком возрасте еще не знают, что за хрень была эта Сечь, — пожевал губы Загитов. — Конечно, родители подучили.

— Тут обыкновенная зависть. Понаехали, им все и помощь, и внимание, а нашему Ванечке что? Чем он хуже? — объяснил Заппа. — И учителя не защищают, им все равно. Зося говорит, не хочу выходить из класса, они криком его выгоняют. Не положено.

— Ты знаешь, какая зарплата у этих училок? Они строго выполняют правила, иначе не будет премии, — Завтраков недавно писал острую статью о школьных порядках и побывал в десяти школах, обходя бдительных бабушек на вахте, — звонок прогремел — гони всех хоть в коридор, хоть на войну.

— Карр! — гаргуля торчала над очередной кучей. Я думал, это очередная свалка. Но Загитов первым понял, в чем дело.

— Добрались до библиотеки автобусного завода, козлы, — Зулейха подрагивала в руке, — они же все сожгут, уже приготвили, сволочи!

Книги были аккуратно сложены в кучу. На них напоззли сломанные ветки от недавнего урагана.

— Вы идите, я за вами, — я видел, как горели глаза Загитова, его теперь и до ночи не оттащить от кучи. Будет по одной-по две перетаскивать на работу, завтра весь предбанник окажется забитым книгами. Он упал на кучу, пытаясь оттянуть ее от сочащейся от забора лужи.

— А если мы проиграем, кто будет оплачивать Звениге бутылку? — возмутился Зюзин. — Соскочил, может сказать, меня с нами не было.

— Мы выиграем, — уверенно провозгласил Золотов. — А тот, кто не верит, может валить. Я сам куплю эту бутылку.

— Я ни во что не играю, — обиженно отвернулся бухгалтер, — хотел предупредить, чтоб потом претензий не было.

— Зюзя-то! — тыкал в бок Гришке Серьга.

— Запасные варианты ищет, — пожал плечами тот.

— Садреттинову же лижет, — подмигнул нам Серьга, — уже язычок присыпал подхалимажем?

— Я считаю, что Рева Сафарович — грамотный специалист, — поспешно оттарабанил Зюзин, — что у него всем нам хорошо бы поучиться.

— Грамотный-то грамотный, да, похоже, шибко грамотный, — буркнул Завтраков. Он шагал с лицом осужденного на смерть. И не боялся он проиграть, но слишком много расплодилось в стране зюзиных-зильберов, которые вроде как шагали с ним рядом, но были его врагами. Всегда в статьях Завтракова враг был пустопорожним общим местом — понятно, чиновники, понятно, снабженцы, понятно, проворовавшиеся депутаты. Но он ни разу не пил с ними кофеек, не сидел за столом в прокисшей каптерке и уж точно не пошел бы вместе к какой-то мистической цели.

— Помните, у нас пару месяцев кофейный аппарат в предбаннике стоял? Даже название было такое душевное — от матушки, — вздыхал проголодавшийся Холодец, — так я ни разу там кофе не выпил.

— И правильно, — не оборачиваясь, проглотил горькую слюну Завтраков, — дрянной там был кофе. Моя матушка лучше варит.

— А если есть будет нечего? — Зося глядел на последнюю смятую холодцовскую конфету, но не ел, берег для своего цуцика.

— У Загирбека тут огородик, как-нибудь проживем, — успокаивал Заппа, вспоминая, как бабки не дали ему посадить цветы возле общаги. *Без согласования с советом дома и управляющей компанией...*

— Я тебе ткакой ггарбуз выращу, — обещал Валихан, — нне обхватишь. Вдвоём с Заппой не унесете.

Гришка и Серьга спорили об Арине, шефовой пассии, и пришли к выводу, что ее вообще не существует. Точнее, есть какая-то жирная, страшная баба, которую, вполне возможно, тоже зовут Ариной, но это совсем не то, о чем можно мечтать по вечерам, когда работать уже несолидно, спать скучно, а денег на выпивку нет.

— *Рита, что тебя ждет?* — решил я. — *Быть на подхвате у старых импотентов бухгалтеров?*

— *Думаешь: а вдруг, — сухой лист прятался в ее волосах, — а вдруг, а вдруга нету, и ничего нету.*

— Ты же разумный, скажи, — пристал Зюзин к Звонарю, — а зачем мы ищем этот проход?

— Чтoб пройти было короче, — пожал плечами тот.

— Мы ведь все равно будем ходить в обход. Там и магазины, и дорога посуше, — угодил ботинком в лужу Зюзин, — может, хватит баловаться?

— Понимаешь, что происходит? — нагнал нас Гришка. — Тебя покупают. Хотят, чтоб за бутылку ты сам в себя верить перестал.

— Нас словно из одной зоны на другую перегоняют, — озибался Серьга, взгляд его то и дело натывался на колючую проволоку, белки глаз давно были окровене-

ны, казалось, красные густые капли сейчас польются на дорогу, — чтоб я еще здесь, хотя бы раз...

— Откуда здесь грязь? Все кругом пересохло давно, — удивлялся Задрыгин.

— В том числе и у тебя во рту, — Загатову хватило сил улыбнуться, кривая гримаса рассклала небо. Прошелестел вертолет, противно жуя бумагу облаков, пытаюсь поскорей скрыться за ними. Видно, ему все же страшно. Упадет, не выковыряешь из грязи — это вам не желтая подводная лодка.

Слишком много стали стрелять из трубок. Наверное, все пацаны с Зоськиной школы пошли воевать.

— *Бегите, сестрички!*

Мы готовы были сорваться и побежать. Только бы она не закричала, лучше быть отброшенным на колючую проволоку взрывной волной. *Ты затащил меня сюда...*

Только потому, что хотелось дольше побыть с тобой. Мне пофиг на Звонаря, на короткую дорогу, если надо, я готов идти любым путем. Ты не представляешь, как они достали на работе. Но в каждом из них я, даже в Зюзе. Я хотел, чтоб ты узнала меня лучше.

Слова уже были наготове, но мы не побежали. Я задохнулся от несказанных слов и кашлял долго, пока Рита не постучала мне по спине. Такие, как она, ничего и никому не прощают.

— А если они сюда придут? — Зося теребил Запу за рукав.

— Мы, мы... с тобой за границу свалим, будем конфеты нямкать, а запивать кофе с какавой.

— Пока еще можно, сейчас валите, — расхохотался Гришка, но смех его напоминал воронье карканье. Потому что мы остановились, словно пассажиры, когда трап уже подан, а стюардессы даже не почесались начать проверять билеты.

— Так, чего встали? Звонарь, че репу чешешь? — Серьга готов был сам всех повести, но впереди дорога разделялась на три. — Опоздаем, ты вискарь будешь покупать?

— Погодите, сей секунд, — казалось, Звонарев на мгновение уснул, — черт знает что. Лукавый, что ли, путает.

— Вот тебе и ввитузья на рраспуттье. Тты тточно не ппомнишь?

— Вроде туда, — почесал затылок Звонарев, — здесь тогда машина стояла, тех проходов и видно не было.

— Но сейчас-то мы их видим, — пробурчал Завтраков, — машина каким боком стояла?

— Это автобусный забор, а вон там должен начаться телик, — растопырил руки Звонарев.

— Но он там не начинается! — Зильбер визжал, словно уже был раздавлен заборами и гаражами.

— Там забор, русскими буквами забор, — Загатов готов был набрать это слово на клавиатуре, пальцы его что-то перебирали в воздухе.

— Он все равно найдет там кучу ошибок, — отмахнулся Гришка, — не ссы, Звонарь, вспоминай.

— Выходишь вечером, все машины на своих местах и желтая подводная лодка в порядке, а воздух такой легкий, будто перышко держит, а не весь прожитый день, — Звонарев ничего и не пытался вспомнить, словно решил вдруг не открывать для нас двери в неведомое, — хорошо так, что думаешь — есть!

— Что есть? — Зюзин готов был вцепиться в Звонаря, вытрясти из него верную дорогу.

— Проход, — улыбка праведника показалась на его лице.

— Ты что, издеваешься, вы... издеваетесь все.

Расталкивая нас, он двинулся назад. Наткнулся на виноватый Зоськин взгляд и сломался, завопил, слюна выкатывалась из его рта, точно копейки.

— Вы все втянули меня в это, умственно отсталые. Демоны, Звонарик, демоны на тебя насаждают, лечиться надо. Ну ничего, я сообщу, кому надо. Врачи пропишут вам галоперидолу.

Нам нечего было ему сказать. Как объяснить человеку, что он мертв? Как объяснить, что мы не стали родными для него?

— Поперлись, дурни, думали, ваши имена на географических картах останутся? Связался с вами.

Зюзин побежал нараскоряку, будто в него собирались стрелять. Вроде оступился, дернулся, повалился на землю, осторожней, куда теперь тебе спешить. Ты выиграл, парень. Гейм овер приходит даже после победы.

— Нарушил правила игры, — вздохнул Зильбер, он бы тоже был не прочь свалить, но удачное время упустил. Золотов сразу двинул к ближайшей дыре. Мы ждали, что он подорвется на тупике, но ему всегда везло — этому рыжему ублюдку. Проход вывел к заброшенной башне. Водонапорка, что ли? Хотелось залезть туда с Ритой, подняться по ломким скрипучим доскам на самый верх. Смотри, смотри, какая маленькая отсюда наша война.

— Сторожевая башня, — кивнул Зосе Гришка, — когда я был маленьким, бабке такой журнал приносили.

Загитов сказал бы, что там томится принцесса. Но он молчал, неприметный книжный замухрышка, которого никто из нас до сегодняшнего дня не воспринимал всерьез, и многих уже не было, с кем мы отправились в путь. Кто-то больше всех кричал про новую дорогу, но уже с крыльца направился по старому проверенному пути, кто-то отсекся по дороге, оставшись у памятника или повернув по ошибке к воротам бывшего автобусного завода.

— Игра в кальмара у нас отечественного разлива, — оглядывал наш редешущий мир Серьга, — я их не запоминал на рожу, все узкоглазые.

— Я вижу церковь, — идущий впереди Задрыгин остановился, приложив ладонь ко лбу.

— Ты сколько выпил? — Серьга не видел ничего, кроме серых стен справа и слева. — Колокольный звон в ушах — не?

— Церковь, мой друг, у каждого своя, — мягко, даже ласково проговорил Холодец, — как вот на войне, где за сто верст не сыщешь.

— Твой Виталя, — хлопнул себя по башке Звонарев, — он же там. Какой проход, мы уже ничего друг о друге не помним.

— Я теперь часто забываю дома телефон, — хлопнул себя по карману Заливайко. — А когда он с собой, не включаю Интернет. Потому что тогда открываешь его страничку, а он живой. Ничего, сынок. Скоро встретимся.

— Зачем они рожают? Для кого? И на них война найдется, — звероватый Серьга Загатов вспоминал свою сто лет назад сбежавшую жену. — Ты думаешь, почему не хочу своего пацана этим с... отдавать. Если на бойню не пошлют, то точно посадят.

— Нничего, ккартошку садить будем, ккак-нибудь проттянем, — Валихан Загирбеков, Большой Бык, готовый и в этом лабиринте дорог разбить сад и в эту грязь запихать пшеничное зерно, — ннам ннадо свернуть щщас.

— Почему? — даже не сбавил шаг Золотов. — Мы верно идем. Главная дорога там.

— Но ведь если ннаискосок, то надо ннаправо, — настойчиво прогнусавил Большой Бык, указывая на черное пятно между гаражом и забором, — мы идем ннеправильно. Скажи им, Звоннар! —

— Я устал лазить по дыркам, — никого слушать Золотов уже не хотел. — Если кому надо отлить, никого не держу. Но мы двинем по главной, а если кто будет возражать, пусть делает это шагая, не останавливаясь. Книжки, сопли, бухло, бабы остались там, поняли?

— Я пойду, — ничего не оставалось, как двинуть к дыре, — ведь если даже кто-то один придет раньше, мы все равно выиграем пари.

Я уже не считал, сколько себя оставил позади, какая часть нас вообще выходит из окружения. Может, это все, кто остался в живых на планете. Может, стараясь остаться с каждым отступившим, меня тут вообще не осталось.

— Ну что, до завтра?

Оглянулся и в последний раз увидел их всех. Заппа держал руку на худеньком Зосином плече. Усталые красные глаза Большого Быка цеплялись за уходящие солнечные лучи. Звоннар задержался дольше всех — может, останешься? Решительно повернулся и скользнул в дыру. Если честно, я ждал выстрела в спину. Каждого измотала эта каждодневная война, если бы услышал виноватый, отчаянный хлопок, я бы понял.

— А ты бы смогла...

— Ты не можешь объяснить проще?

— Рит, вот чтобы... чтобы до смерти. Я буду любить тебя до конца времен. Но если времена... того?

— Придут другие.

Я шел и проглатывал те слова, которые ей никогда не скажу. Я хотел найти этот короткий путь к цирку, чтобы хоть посмеяться. Чтобы завтра было что написать ей в новом письме.

Где-то посреди мира ждет меня человек. Не Звениговский, ему ни в жизнь не дойти так быстро. Может, это пока неизвестный мне он или ты. Я иду к тебе, только не встречай меня с автоматом. По-моему, следующий поворот выведет меня к храму, а может, следующий за ним. Какая длинная у меня тень, по ней проезжают машины, сонные самокатчики ломают руки и ноги — эй, куда прешь, это все же живая тень! Так я каждый день возвращаюсь с работы. Каждый день — разными дорогами, потому не удивляйтесь, что иногда захожу в тупик. Я люблю эту жизнь за то, что она такая лупоглазая. И смотрит на меня из безвыходной ситуации детскими глазами. С ошибками мы умели писать разные буквы и радовались, что еще не разучились выводить каракули. Вон показался рабочий телика. На ночную смену. Желтая лживая наледь хрустит под ногами, как экран телевизора. Вы сейчас делаете квадрокоптеры и приборы ночного видения. Больше новостей не будет, дружище. Кивнул мне, будто старому знакомому, и поспешил в цех. А я там не работаю. Мне идти дальше.